

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукій брату.

Мадридъ, 3 Сентября, вечеромъ,

Какъ ты себя чувствуешь, дорогой мой Рафаэль? Какъ кашель и лихорадка? Началь ли ты поправляться и принесетъ ли мнѣ слѣдующая почта добрыя вѣсти о тебѣ? Начинаю это письмо вечеромъ, хотя оно пойдетъ лишь поутру, но такъ какъ завтра, вѣроятно, будетъ много дѣла на службѣ, а я не хочу нарушить свое обѣщаніе писать тебѣ съ каждой почтой, то и не хочу откладывать до завтра. Сегодня меня тащатъ на балъ къ герцогинѣ *Бенвенито*, въ Мадридѣ она занимаетъ первое мѣсто по рожденію, связямъ и успѣху, которымъ пользуется въ здѣшнемъ обществѣ. Это мать князя *д'Англона*, ты, должно быть, видѣлъ его во Флоренціи. Княгиню, его жену, у которой великолѣпные глаза и которая хорошо знакома со мной, недурно было бы попросить написать нѣсколько строкъ въ мою пользу. Это было бы мнѣ очень полезно. Право, нельзя чувствовать себя счастливѣе при такомъ начальникѣ, какъ у меня, съ его очаровательной супругой и товарищами моими по службѣ. Г-нъ *д'Убри* всегда любезенъ и предупредителенъ, съ нимъ мы чувствуемъ себя такъ хорошо, что считаемъ его своимъ товарищемъ; а жена его—это ангелъ доброты. Здѣсь не приняты титулы—ни превосходительства, ни посланника: *здѣсь никогда не приказываютъ*, но у меня еще никогда не было такого сильнаго желанія исполнять свой долгъ, какъ на новомъ моемъ мѣстѣ.

4 Сентября, утромъ.

Вчера я возвратился домой въ часъ ночи, дорогой мой Рафаэль, и окончилъ свое письмо къ Пери.

Хочешь знать, что значить блестящее собраніе въ Мадридѣ: значить, что можно насчитать три танцующія пары. Была тамъ одна настоящая красавица, по имени *Фернанда*; но увы, несмотря на свою красоту и прирожденную грацію, онѣ блещутъ полнымъ отсутствіемъ воспитанія. Вальсируютъ онѣ недурно. Подъ конецъ я оковчательно рѣшилъ, что мадридское общество, вмѣсто того, чтобы развлечь меня, едѣлаетъ изъ меня еще большаго домоеда, чѣмъ я былъ въ святомъ городѣ Римѣ. Испанскій языкъ кажется мнѣ необыкновенно труднымъ, и я все еще не могу связать двухъ словъ на этомъ прекрасномъ языкѣ. Что здѣсь дѣйствительно прекрасно, такъ это сигары, которыя называются *rajillas*. Я курю ихъ съ утра до вечера; часто курю за твое здоровье. 1 Октября я переѣду въ Посольство, гдѣ мнѣ приготовили 3 прекрасныя комнаты, одна изъ нихъ, которая будетъ моей спальней, находится прямо противъ канцеляріи. Г-нъ д'Убри отдалъ въ мое распоряженіе прекрасную лошадь изъ своей конюшни: я каждое утро буду изучать окрестности Мадрида. Имѣя болѣе изысканный туалетъ и немного овладѣвъ языкомъ, а главное, настойчиво дѣлая утренніе визиты, можно покорить себѣ все мадридское общество. Но я слишкомъ лѣнивъ и равнодушенъ для того, чтобы впасть въ такую крайность. Черезъ недѣлю открывается мадридская ярмарка, и я отправляюсь въ поиски за картинами. потому что гр. Нессельроде дала мнѣ новое порученіе. Съ сегодняшней почтой я посылаю одно письмо Антонинѣ, а другое—Телѣгину—я вложилъ въ письмо къ сестрѣ. Все это прямехонько въ Москву. Пока прощай, мой ангелъ. Въ четвергъ, согласно нашему уговору, я получу твои письма. Но пожалѣй меня: приходитъ уже третья почта, а отъ Каролины ни одного письма—!!

Мадридъ, 7 Сентября 1826 г.

Получено 23 Сентября.

„Грустно мнѣ очень, милый братъ. Все отъ меня далеко, все сильно дѣйствуетъ на душу: уединеніе, разлука, столь давняя съ отчизной, съ тобою, любезный Рафаэль, съ ангеломъ Пери.—

„Завтра почта. Жду, какъ утѣшительницу: ибо по нашему условію она принесетъ мнѣ отъ тебя письма. Сегодня я ѣздилъ съ Штоф-

регеномъ верхомъ. Видѣль издали брега *Мансанареса*. Все дико, чуждо вдохновить, все раскрываетъ сердечныя раны! Съ одной стороны, съ южной, Мадридъ является деревней, окрестности его—пустошью; съ другой—есть горы и мѣста довольно живописныя. *Мансанаресъ* сталъ малымъ, едва примѣтнымъ ручейкомъ отъ постоянныхъ жаровъ. По берегамъ его пасутся овцы.

„Мечта ли то? Предо мною
 Бѣжить вдали Мансанаресъ,
 Здѣсь монастырь съ златой главою,
 Вокругъ него рѣдѣть лѣсъ.
 „Гдѣ былъ всему примѣръ великій,
 Зрю всѣмъ величїямъ конецъ.
 Зрю, какъ Испанецъ полуднїи
 Гоняетъ по полю овецъ.

„Сегодня были мы въ лѣсу, гдѣ король ѣздитъ на охоту, и гдѣ одинъ корпусъ дипломатическїй имѣетъ позволеніе гулять верхомъ. Посреди сего дикаго лѣса очутились мы вдругъ на берегу небольшого озера. Все вокругъ насъ было такъ тихо, спокойно; зайцы перебѣжали дорогу и нѣсколько ребятишекъ удили рыбу. Я молчалъ, но сердце, жжатое грустью, такъ бы охотно излилось передъ другомъ. Штофрегень умный, чувствительный, благородный малый: такъ все его обхожденіе заключать меня заставляетъ.

„Вотще одушевить мечтами
 Желая дальнїи небосклонъ.
 Миѣ всюду счастье за горами,
 Души спокойство—всюду сонъ.
 „На небѣ ль ясномъ зрю сіянье
 Вечернихъ, утреннихъ лучей;
 Миѣ слышно сердца трепетанье
 Миѣ видны слезы изъ очей!
Миццансе! Тебя не стало,
 Какъ не стагетъ ладьи слѣдовъ.
 Опять мой челнъ судьба угнала
 Далеко въ бурю отъ береговъ.

„Отцу и сіи написалъ я вчера безъ плана, безъ связи и для того помѣщая ихъ здѣсь безъ того и другого. Стараюсь привыкать къ звукамъ Испанскаго языка, но понимать до сего времени ничего еще не умѣю. Работы канцелярской нѣтъ никакой—свободенъ утромъ, свободенъ вечеромъ, а мысли, какъ тучи, бродятъ на свободѣ по пространному небу. Петръ Яковлевичъ меня увѣряетъ, что ты будто далъ Панину какую то Испанскую грамматику, твоей рукой помѣченную? Предмѣстникъ мой оставилъ здѣсь цѣлую библіотеку: и между прочимъ

россійскій академическій словарь, въ которомъ я ежечасно роюсь и не нахожу удовлетворительнымъ; которой—фраза эта не по русски—но ты извинишь. Я пишу скоро и по условію между нами заключенному.—Я здоровъ весь день, но по ночамъ сплю дурно, и сны, съ колыбели меня не посѣщавшіе, нынѣ изъ головы нейдуть. Жена Убри самая добрая и простая въ обхожденіи женщина. Мамушка дѣтей говорить по нѣмецки, или лучше сказать Нѣмка родомъ. Заботливая и смѣшная правомъ. Племянница, живущая въ домѣ, ни то ни се, или лучше сказать я еще ее не разглядѣлъ порядочно. Мамзель—ибо безъ мамзели какъ обойтись!—очень доброе и хрустальное творенье. Четверо дѣтей самыхъ любезныхъ, самыхъ благонравныхъ—вотъ все наше *ежедневное* общество. Всѣ разговоры идутъ въ кругу семейномъ, идутъ тихо и болѣе всего о прелестной Италіи, которую мы всѣ равно любимъ и равно сожалѣемъ—такъ день тянется за днемъ. Ахъ, вотъ было бы хорошо, если бы сердце было на мѣстѣ, если бы ты написалъ мнѣ, что выздоровѣлъ, если бы Пери хоть слово написала.—

„Забудусь—простраю руки.
Объемлю воздухъ, сонъ, мечты,
О, чувство тайное разлуки,
Какъ сильно угнетаетъ ты!!—

8 Сентября.

„Скажи мнѣ пожалуйста, любезный братъ, какимъ образомъ будетъ ко мнѣ сюда доходить мой Петербургскій пенсіонъ и получили ли ты ту Генварскую сего года треть, которую я тебѣ предоставилъ.“

---

30 Августа. Мадридъ, 11 Сентября 1826 г.

Весь городъ на ногахъ, дорогой мой Рафаэль: сегодня первый день боя быковъ, *corrida de torros*. Я былъ разбуженъ толпами Испанцевъ и странной, очень шумной, музыкой, возвѣстившей мнѣ объ этомъ любопытномъ народномъ праздникѣ. Сегодня у насъ понедѣльникъ, утромъ придетъ почта и рѣшить мою участь—буду ли и я принимать участіе въ общей радости. Вчера, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ мы должны были ѣхать на вечеръ къ герцогинѣ *Бенавенто*, пріѣхалъ изъ *Москвы* русскій гонецъ, фельдъегерь Шмидтъ. Онъ уѣхалъ 4 Августа. Но мнѣ онъ ничего не привезъ, не считая письма отъ Гагарина съ нѣсколькими автографами. въ которомъ онъ пишетъ, что—отказавшись отъ мѣста посла въ Филадельфіи и секретаря посольства въ Бернѣ, ѣдетъ въ Римъ. Мнѣ очень любопытно знать,

8*

какъ все это устроится, я полагалъ, что онъ никогда не возвратится на прежнее мѣсто. Тебѣ извѣстны главныя причины этого. Извѣстіе о его возвращеніи,—или оно для тебя не новость, любезный другъ?—должно руководить твоими отношеніями съ нимъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что это за характеръ. Самое тяжелое въ жизни, это необходимость подобныхъ уроковъ. Мои дѣла идутъ отлично; увѣряю тебя, что Мейендорфъ чудный человѣкъ. На зиму онъ хочетъ уѣхать куда нибудь въ болѣе мягкій климатъ, это необходимо для его здоровья, такъ какъ, согласно ученымъ изслѣдованіямъ Гумбольдта, плоскогорье обѣихъ Кастилій на 300 футовъ выше уровня моря, и лѣто тамъ не такое знойное. Изъ его подробныхъ разспросовъ объ Италіи и въ особенности о Римѣ я заключилъ, что самое лучшее для него было бы отправиться въ Италію, а такъ какъ въ Посольствѣ его знаютъ очень хорошо, ему тамъ не откажутъ въ такомъ же мѣстѣ, какое онъ занимаетъ въ Мадридѣ. Каковъ бы ни былъ составъ Посольства, такой человѣкъ будетъ для нихъ приобрѣтеніемъ. *Штофрегенъ* живетъ здѣсь уже семь лѣтъ, былъ свидѣтелемъ послѣдняго испанскаго мятежа, а мечтаетъ только о томъ, какъ бы уѣхать изъ Мадрида; вліяніе, которымъ пользуется его отецъ, поможетъ ему привести въ исполненіе это желаніе, а тогда! я одинъ останусь на своемъ мѣстѣ. Грустно! очень грустная будущность! Сегодня вечеромъ мы идемъ къ герцогинѣ *Бенвенито*. Мадридское общество, принимая во вниманіе, что я очень мало его знаю, удивительно скудно, а такъ какъ число путешественниковъ, желающихъ изучить Испанію въ состояніи ея полного нравственнаго и матеріальнаго упадка, очень невелико, то въ обществѣ встрѣчаются и бесѣдуютъ всегда одни и тѣ же лица. Вчера вечеромъ опять танцовали, но такъ какъ у меня на душѣ было грустно, то я ушелъ изъ гостиной послѣ того, какъ протанцовалъ вальсъ съ прекрасной *Ферминдой*. Вотъ уже больше трехъ недѣль, какъ я уѣхалъ изъ Парижа, а не получилъ ни единого звука отъ персидскаго божества! отъ Пери, не перестававшей писать мнѣ въ теченіе цѣлаго года. Но я готовъ биться объ закладъ, что я на лету поймалъ это обѣщаніе и что въ рѣшительную минуту она отказалась бы переписываться со мной. Сегодняшней почты я жду, какъ послѣдняго испытанія для того, чтобы покориться горькой правдѣ.—Вчера, когда я ложился спать, была ужасная гроза; а сегодня самый великолѣпный день, какой только можетъ быть. Въ четвергъ почта ничего не принесла мнѣ изъ Флоренціи, но до тѣхъ поръ, пока ты не узнаешь изъ моихъ писемъ, что я наконецъ окончательно поселился въ Мадридѣ, я буду считать, что безпорядокъ въ нашей перепискѣ вызванъ недоразумѣніемъ относительно моего мѣстожителства. Вчера я въ первый разъ слушалъ

обѣдню въ нашей посольской церкви, подъ кровлей и въ комнатѣ, о которой ты можешь составить себѣ ясное представленіе, перечитавъ nocturne путешествіе де Мэстра, это келья, которую онъ занималъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Туринѣ. Нашъ священникъ человѣкъ, достойный уваженія, но *музыкѣ* въ полномъ значеніи этого слова. Церковь старая, мрачная, съ трудомъ можно различить образа на иконостасѣ. Но мнѣ нравится эта темнота, а древность располагаетъ къ благоговѣнію. Причетникъ—чахоточный малый, едва въ состояніи пѣть и читать; въ будущемъ я возьму на себя его обязанности и буду исполнять ихъ по мѣрѣ силъ. Пока прощай. Нужно идти къ г-ну Убри.

Вечеромъ.

Утренній мальпость ничего не принесъ мнѣ отъ тебя, дорогой мой Мишель, и моя тревога за тебя усиливается неизвѣстностью, которую ты не хочешь прекратить. Когда же я получу отъ тебя письма, и каковы причины, заставляющія тебя не исполнять обѣщаній? Надѣюсь, что тебѣ лучше, я каждый день молюсь объ этомъ Богу, молюсь и думаю объ этомъ непрестанно. Въ награду за это я получилъ отъ персидскаго божества очень короткое письмо, гдѣ ея дружба и довѣріе ко мнѣ не проскальзываютъ ни во одномъ словѣ, ни въ одной изъ ея прелестныхъ и умныхъ мыслей. Гонецъ, котораго мы отправляли въ *Лиссабонъ*, а кромѣ того, масса работы, все это помѣшало мнѣ пойти посмотреть на знаменитый бой быковъ. Сдѣлаю это въ слѣдующій разъ, т. е. въ четвергъ, черезъ недѣлю. *Мейендорфъ* уѣдетъ изъ Мадрида въ концѣ этого мѣсяца, онъ ѣдетъ въ Россію, какъ того требуютъ его семейныя дѣла. Я познакомился съ нимъ очень недавно, но чувствую, что никто не замѣнитъ мнѣ этого чуднаго человѣка. Въ такой странѣ, какъ Испанія, хорошій товарищъ по службѣ—это *все*. Прощай, милый мой Мишель. Панина сдѣлали камеръ-юнкеромъ. Что то дадутъ тебѣ за годъ, который ты провелъ секретаремъ посольства во Флоренціи; тебѣ нужно двѣ награды: одну отъ Министерства, другую отъ тосканскаго правительства, потому что конечно у Свѣчина не будетъ никакихъ затрудненій для того, чтобы дать тебѣ крестъ. Судя по извѣстіямъ, полученнымъ черезъ московскаго гонца, коронація будетъ 3 Сентября новаго стиля. Еще разъ прощай, ради Бога, разсѣй мою тревогу относительно тебя, и какъ только будешь знать навѣрное, что я пріѣхалъ на мѣсто, пиши мнѣ самымъ аккуратнымъ образомъ, чтобы я навѣрное зналъ, когда буду получать твои письма. А я съ своей стороны очень хочу, а главное могу, сдѣлать тоже самое, потому что почта отправляется отсюда только въ 11 ч. вечера, я и сейчасъ

пишу тебѣ въ это время; нѣжно цѣлую тебя, цѣлую миллионъ разъ. Приѣхалъ ли въ Пизу графъ де Мэстръ? Если да, передай отъ меня множество привѣтствій ему, прекрасной тетушкѣ и юной, очаровательной и любезной мадемуазель Талии. Поцѣлуй отъ меня дѣтей.

Кланяюсь усердно Петру.

Мадридъ, 14 Сентября 1826 года.

Только для того, чтобы исполнить свое обѣщаніе писать тебѣ во время болѣзни два раза въ недѣлю, дорогой другъ, я отправляю на почту это письмо, потому что не могу сообщить тебѣ положительно ничего новаго. Я вернулся отъ Убри, гдѣ читалъ обществу двѣ главы изъ Ултеръ Скотта, копалъ землю вмѣстѣ съ дѣтьми и при свѣтѣ луны замечтался на минуту въ садикѣ, разбитомъ передъ домомъ. Ужъ второй разъ почта не приноситъ мнѣ извѣстій отъ тебя, а посуди самъ, могу ли я быть спокоенъ, зная, что ты боленъ и лежишь въ постели. Я прилежно занимаюсь испанскимъ языкомъ и начинаю читать комедіи Лопе де Вега и Кальдерона, произведенія необыкновенно трудныя, но въ то же время замѣчательно красивыя. Мое здоровье превосходно, потому что я все такъ же благоразуменъ и насколько возможно домосѣдъ. Въ Парижѣ веселятся; кузина и графиня Разумовская даютъ балы, а первая, увы! и не думаетъ еще о поѣздкѣ въ Италію, и я полагаю, что въ концѣ концовъ она останется во Франціи. Въ ея характерѣ появились непріятныя черты, и я боюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ она измѣнится до неузнаваемости въ глазахъ тѣхъ, кто зналъ ея такъ хорошо и съ такой выгодной стороны. Досадно! Прощай, милый другъ, ради Бога напиши мнѣ, не оставляй меня въ неизвѣстности, которая такъ меня мучитъ, что мнѣ даже не хочется, чтобы ты понялъ всю ея глубину. Прощай, любезный Рафаэль, цѣлую тебя, Господь да благословитъ тебя.

Мадридъ, 21 Сентября 1826 года.

За всю свою жизнь я столько не выстрадалъ и такъ долго не терзался неизвѣстностью, какъ въ тотъ короткій срокъ, что я нахожусь въ Мадридѣ, дорогой мой Мишель. Понапрасну ожидаю я почты, она приходитъ и ни отъ кого ничего мнѣ не приноситъ. Какъ понимать это молчаніе, вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я получилъ только одно письмо отъ тебя, мой милый другъ! и одно письмо отъ Пери!...

Ничто въ мірѣ не можетъ меня развлечьъ. Я ничего не написалъ тебѣ въ послѣдній разъ, потому что у меня была пустая голова. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ знаменитый бой быковъ, и первое впечатлѣніе было болѣе, чѣмъ тяжелое—прямо отвратительное. Я любовался ловкостью и неслыханной смѣлостью людей и этимъ собраніемъ двѣнадцати тысячъ Испанцевъ, рукоплескавшихъ все болѣе и болѣе отъ души по мѣрѣ того, какъ зрѣлище становилось все ужаснѣе и ужаснѣе. Вотъ нѣкоторыя подробности. Какъ только окончилось торжество открытія, дверь открывается и разъяренный быкъ вбѣгаетъ на арену. *Пикадоръ*, верхомъ и съ копьемъ наготовѣ, ожидаетъ животное у двери, быкъ прежде всего бросается на него, пикадоръ съ силой и непостижимой ловкостью встрѣчаетъ его съ особой петлей*) наготовѣ; разъяренное животное повертывается и наталкивается на второго ожидающаго его всадника, который вызываетъ его на бой, постепенно подвигаясь на встрѣчу. А лошадь пикадора ужъ заранѣе обречена на смерть, и въ первый разъ я видѣлъ, какъ на аренѣ умерли двѣнадцать лошадей, потому что разсвирѣпѣвшій быкъ опять принимается за свое дѣло, приподнимаетъ всадника вмѣстѣ съ лошадью и вонзаетъ ей въ животъ свои огромные рога. Въ эту минуту всадникъ подвергается большой опасности, но какъ только онъ падаетъ на землю, *chulos*'ы или пѣшіе люди окружаютъ быка и машутъ у него передъ глазами разноцвѣтными кусками матеріи. Но если лошадь еще подаетъ признаки жизни, ее поднимаютъ на ноги, пикадоръ опять садится верхомъ и снова бросается на встрѣчу звѣрю. Между тѣмъ лошадь скачетъ, истекая кровью, внутренности висятъ со всѣхъ сторонъ, она топчетъ ихъ ногами; вся арена въ крови. Ужасное зрѣлище. Но по условному знаку появляется *матадоръ*; въ одной рукѣ у него красное знамя, въ другой мечъ. Въ самую страшную минуту онъ подходитъ къ быку вплотную. Звѣрь наклоняетъ голову, бросается на своего противника, но послѣдній отскакиваетъ въ сторону и вонзаетъ шпагу прямо въ сердце быку. Животное дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ—загѣмъ падаетъ безъ признаковъ жизни. Такое представленіе дается по два раза въ день, и каждый день обязательно нужно убить двѣнадцать быковъ. Костюмы бойцовъ великолѣпны. Но тяжелѣе всего смотрѣть на лошадей, гордо носящихъ всадниковъ, лошадей, обреченныхъ на вѣрную смерть; для того, чтобы они не пугались быковъ, имъ завязываютъ глаза.—Пока довольно объ этомъ.

Мое здоровье, дорогой Мишель, превосходно, надѣюсь и молюсь о томъ, чтобы и твое поправилось. Сегодня вечеромъ я былъ очень

*) Garrot

занять, поэтому спѣшу отправить письмо. Спокойной ночи, дорогой мой другъ, ради Бога, поскорѣ пришли вѣсточку о себѣ.

Мадридъ, 28 Сентября 1826 г. вечеромъ.

Мишель! Мишель! Такъ то ты любишь своего брата, такъ то ты бросаешь его на чужбинѣ безъ малѣйшаго утѣшенія, больше мѣсяца не пишешь ему ни слова о своемъ здоровьѣ, а оно, судя по послѣднему твоему письму, было такъ плохо? Я страдаю такъ, что не въ силахъ выразить этого, и все раздражаетъ меня до слезъ. Послѣдней моей надеждой была мысль, что ты, не зная, гдѣ я поселился окончательно, продолжаешь писать мнѣ въ Парижъ, но Пери написала мнѣ нѣсколько строкъ, доставленныхъ сюда съ французскимъ гонцомъ черезъ 5 дней, и я узналъ, что даже въ Парижѣ беспокоятся по поводу твоего молчанія. Такъ мы съ ней рѣшили написать во Флоренцію и попросить у лицъ, окружающихъ тебя, объяснить причины твоего молчанія. Вчера пріѣхалъ еще гонецъ изъ Москвы и привезъ донесеніе о коронаціи. „Чтобы стоило сестрѣ хоть слово написать!“ Черезъ нѣсколько дней я переѣзжаю отъ г-на Убри; его отношеніемъ ко мнѣ я могу только безконечно гордиться. Судя по письму г-на Аллье, кузина окончательно ѣдетъ во Флоренцію; но сначала она переѣдетъ на новую квартиру. А пока она даетъ балы, также какъ и графиня Боссомброни. *Лизи* много танцуетъ и много болтаетъ. Съ приближеніемъ осени здоровье кузины опять плохо, и я полагаю, что только эта причина заставитъ ее уѣхать наконецъ изъ Парижа, гдѣ она его совсѣмъ погубитъ. Въ Мадридѣ я веду совсѣмъ спокойный, домашній образъ жизни.

Насколько возможно, *но не торопясь*, стараюсь нравиться окружающимъ и ужъ заслужилъ у дѣтей названіе *маленькаго батюшки*, потому что мой предшественникъ назывался *большимъ батюшкой*. Мейендорфъ уѣзжаетъ въ понедѣльникъ; онъ ѣдетъ въ Россію. Для насъ это большая потеря. По случаю коронаціи онъ получилъ брилліанты; а Штофрегенъ Владиміра четвертой степени. Bravo! но не брависсимо! Вотъ все, что я могу сообщить тебѣ новаго, дорогой мой Мишель. Завтра мы *въ полномъ составѣ* поѣдемъ къ нашему настоятелю, получившему орденъ св. Анны на шею. Отъ радости и отъ чувства благодарности онъ плакалъ. Нужно ли мнѣ еще разъ просить тебя написать мнѣ или по крайней мѣрѣ—хоть другимъ способомъ—подать мнѣ хоть какой нибудь признакъ жизни. Ахъ, Мишель, Мишель! Спокойной ночи, да сохранить тебя Господь Богъ, любезный другъ мой, да бу-

дети Онъ съ тобою и да пошлетъ тебѣ всѣ земныя блага. Спокойной ночи. Я чувствую себя, какъ нельзя лучше. Г-нъ Убри тебѣ кланяется, а я отъ всей души цѣлую тебя. Сегодня вечеромъ напишу Италинскому и Гагарину, чтобы поздравить ихъ.

Мадридъ, 5 Октября 1826 года.

Ты писалъ бы мнѣ каждый день, дорогой мой Мишель. если бы ты зналъ какъ мнѣ необходимо было письмо, написанное твоей рукой, вотъ это только что полученное письмо, которое я орошаю слезами! Ты мнѣ пишешь о выздоровленіи, но пишешь въ такихъ неопредѣленныхъ и общихъ выраженіяхъ, не вдаваясь ни въ какія подробности своей болѣзни, не говоря о томъ, какъ она течетъ и въ какомъ состояніи ты находишься сейчасъ. Мнѣ очень нужны всѣ эти подробности. Но я со слезами на глазахъ благодарю тебя, тысячу разъ благодарю, за то, что воскресилъ меня и вернулъ мнѣ силы, утраченныя, благодаря твоему молчанію и тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ я приходилъ. Ради Бога, дорогой Рафаэль, мой дорогой, мой любимый, достойный этой любви братъ, какъ можно больше береги свое здоровье, не подвергай его никакимъ случайностямъ. Мы принадлежимъ не только самимъ себѣ, но и тѣмъ, кто насъ любитъ, друзьямъ нашимъ, и больше для нихъ, чѣмъ для самихъ себя мы обязаны беречь себя, на сколько возможно. Обо мнѣ не безпокойся. Слава Богу, я чувствую себя превосходно, даже лучше, чѣмъ желалъ бы. Наши физическія силы никогда не бываютъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ тогда, когда то, что въ насъ смертно, страдаетъ. Можно подумать, что тѣло живетъ и процвѣтаетъ на счетъ души. Странное дѣло сочетаніе духа съ животнымъ началомъ!— Третьяго дня я переселился въ Посольство, гдѣ мнѣ дали три прелестныхъ маленькихъ комнатки, заново окрашенныхъ; солнце свѣтитъ въ нихъ цѣлый день. Уѣзжая изъ Мадрида, Мейендорфъ оставилъ мнѣ всю свою мебель, такимъ образомъ я остался ему долженъ 1700 франковъ, которые обязанъ уплатить черезъ полгода. Мейендорфъ ужъ не вернется больше сюда. Онъ навсегда простился съ Мадридомъ. На новой квартирѣ у меня прекрасные сосѣди: здѣсь есть очень милая Нѣмки, и нѣкая г-жа *Амеси*, на ней лежитъ забота о дѣтяхъ и обо всѣхъ, живущихъ въ домѣ. У меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Въ канцелярію есть ходъ прямо изъ кабинета, такой же ходъ есть и у Штоффрегена, такимъ образомъ служебная комната находится между двумя нашими. Въ моей комнатѣ, т. е. въ кабинетѣ, только одно окно, очень большое; оно выходитъ на уединенную улицу. Желѣзныя рѣшетки

предохраняють отъ какого бы то ни было воровскаго покушенія. Передъ этимъ окномъ стоитъ мой письменный столъ. По обѣ стороны этого стола двѣ двери, одна ведетъ въ парадныя комнаты, черезъ которыя дѣти каждое утро приходятъ ко мнѣ, съ другой стороны выходъ въ среднюю комнату, находящуюся между кабинетомъ и *моей спальней*. У стѣны стоитъ очень хорошенькій диванъ съ желтыми шелковыми подушками, а вдоль стѣны съ одной стороны стоятъ такіе же желтые стулья, а съ другой мраморный столъ, на которомъ лежатъ мои книги, а надъ столомъ виситъ зеркало. Передъ диваномъ—круглый столъ. По обѣ стороны окна, около дверей, стоятъ два прелестныхъ столика. Все это краснаго дерева. Г-нъ Убри прекрасный начальникъ, жена его—очаровательная особа, это примѣрное *супружество*, мягкость души, сходство характеровъ, однимъ словомъ, все, что нужно для брака. Однимъ словомъ, все было бы согласно съ моими самыми душевными помыслами, если бы извѣстія о твоёмъ здоровьи, любезный другъ, были болѣе утѣшительны.—

Сегодняшняя почта принесла мнѣ письмо отъ Антонины и отъ дорогаго Петрарки,—письмо, написанное сообща 3 Сентября новаго стиля. Первая пишетъ мнѣ о новорожденномъ, Евгеніи! и о своемъ здоровьи, которое, несмотря на трудные роды, вполне удовлетворительно; второй пишетъ о новомъ мѣстѣ *Совѣтника* и его рекомендательная записка выдаютъ *государственную* человѣка и придворнаго. О своей будничной жизни ничего не пишутъ. У мачехи болятъ глаза. Тебѣ онъ поручаетъ извѣстить меня о повышеніи! Я преисполненъ благодарности за отношенія г-жи Бутурлиной. Видишь, ея поведеніе по отношенію къ тебѣ только подтверждаетъ мои увѣренія о добротѣ ея характера. Относись же къ ней съ довѣріемъ. Къ сожалѣнію вижу, что ни одно изъ любимыхъ нами лицъ еще не пріѣхало во Флоренцію. Завтра я начинаю заниматься *латынью* съ нашимъ священникомъ; онъ утромъ и вечеромъ приходитъ ко мнѣ, по русски завариваетъ чай на самоварѣ, который Панинъ оставилъ своему замѣстителю, что, Богъ дастъ, сдѣлаю и я. Со мной онъ болтаетъ, чтобы немножко меня развлечь. Испанскій языкъ плохо двигается. У меня здѣсь есть все необходимое, а случится захворать, будетъ кому ухаживать. Наша посольская церковь бѣдна, построена плохо, но такъ какъ она очень располагаетъ къ молитвѣ, я каждое утро хожу туда и молюсь на просторѣ. Здѣсь есть управляющій, который ссужаетъ меня деньгами, онъ былъ комиссаромъ знаменитаго У. это молодчина. Какъ то разъ онъ очень удивился, что я попросилъ у него *только 1000 франковъ* до 1-го Февраля и ни за что не захотѣлъ взять у меня заемнаго письма.

Тѣ, о которыхъ ты пишешь, такъ и не нашлись. Если тебѣ нужны деньги, дорогой мой Рафаэль, распорядься моею пенсіей, предоставляю ее тебѣ цѣликомъ и безъ малѣйшаго сожалѣнія. Пока прощай.—Прощай, милый, достойный другъ мой. Ради Бога, не оставляй меня безъ вѣстей. Если не можешь написать самъ, приважи это сдѣлать Петру. Г-нъ Убри кланяется тебѣ и каждый разъ, когда приходитъ почта, съ живѣйшимъ интересомъ спрашиваетъ о тебѣ. Я получилъ письмо отъ Демидова, но не отвѣчу на него и *никогда* не буду ему писать. Прощай, да хранить тебя Господь, ради спокойствія твоего Дмитрія, ради всей нашей семьи, которая обожаетъ тебя, своего любимца. Шлю тебѣ свое благословеніе и прошу у тебя того же. Передай мое почтеніе и привѣтствіе нашему флорентійскому священнику. Ты долженъ былъ получить письма отъ Пери.

Мадридъ, 15 Октября 1826 года.

Дорогой мой Мишель! Если я пропустилъ послѣднюю почту и не написалъ тебѣ, то только потому, что ѣздилъ въ Эскуріаль, гдѣ, въ этой огромной обители, я былъ представленъ испанскому королю, королевѣ и ихъ дѣтемъ. Я присутствовалъ при всѣхъ торжествахъ, очень утомившихъ меня и оставившихъ послѣ себя ощущеніе пустоты, какъ и всякое другое суетное величіе. Король очень любезенъ, а королева похожа на сестру, великую герцогиню Маріанну, къ чарамъ которой ты не советѣмъ равнодушенъ, и мнѣ показалось, что въ чертахъ ея лица есть что то общее съ сестрой, но въ манерѣ себя держать нѣтъ никакого сходства. Этикетъ ли это испанскаго двора, или же величайшая набожность—Богъ вѣдаетъ! Эскуріаль—самое красивое и величественное зданіе, которое мнѣ когда либо приходилось видѣть. Это дѣйствительно царское жилище. вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогой другъ мой, поговоримъ о твоёмъ письмѣ, написанномъ рукою Петра. Оно меня очень огорчило, но вмѣстѣ съ тѣмъ, я доволенъ, потому что такимъ образомъ ты избавился отъ усталости. Выздоровливая, нужно беречь себя на сколько возможно больше, и расходовать свои силы такъ, чтобы не утруждать себя.

Испанія чертовски надоѣдаетъ мнѣ кровопролитными боями, провинціальнымъ обществомъ, всегда безоблачнымъ небомъ и ужасной нищетой. Напрасно я уѣхалъ изъ Италіи. Вполюѣ справедлива пословица—лучшее есть врагъ хорошаго, а если только мнѣ удастся найти благовидный предлогъ, я постараюсь какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ Испаніи. Кромѣ того, для здоровья это такое же опасное мѣсто,

какъ Парижъ для кармана, а на этомъ свѣтѣ—что за жизнь безъ денегъ и здоровья? Мое то, несмотря ни на что, прекрасно. Здѣсь всѣ готовятся встрѣтить праздники, даже собираются разыграть комедію, но я пересталъ участвовать въ игрѣ, потому что тебѣ извѣстно мое положительное отвращеніе къ домашнимъ спектаклямъ, послѣ которыхъ остаются только усталость и непріятности. Мой отказъ былъ большой нелюбезностью, и я никогда не былъ такъ смѣлъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Вообще я нахожу, что совершенствуюсь, и что въ моемъ поведеніи есть много достоинства, до старческой походки включительно.

Ты этому не повѣришь, милый мой Мишель, потому что зналъ меня человѣкомъ черезчуръ живымъ, для того, чтобы считать Испанію способной совершать подобныя чудеса. Сегодня утромъ я написалъ гр. Нессельроде, послалъ ей хорошенькую картинку и не упустилъ случая посѣтовать на страну, въ которой живу. Надѣюсь, что мои жалобы, не останутся незамѣченными. Ты боленъ, мой милый другъ, ты ужь два мѣсяца лежишь въ постели, а не пишешь мнѣ ни одного слова о тѣхъ, кто за тобой ухаживаетъ. Находится ли во Флоренціи маркиза д'Аберкорнъ, эта достойная женщина, приковавшая мое вниманіе; все также ли хорошо она къ тебѣ относится? Не знаю почему, но въ ея имени есть для меня какая то притягательная сила, а тѣ цвѣты, которые ты какъ то разъ прислалъ мнѣ въ 11 ч. вечера, развѣ они не были отъ нѣкоей лэди Юліи? Она!—Но ты боленъ, и Богъ знаетъ, въ какомъ расположеніи духа застанетъ тебя это письмо! Опять перехожу на серьезный тонъ. Прошло опять больше двухъ недѣль, какъ я не получаю писемъ изъ Парижа, но не обвиняю за это молчаніе нашего общаго друга. Но какъ знать? Тому причиной поглотившія, можетъ быть, ея мысли о путешествіи. Ахъ, пусть осуществится послѣднее мое предположеніе—и я прошу ей даже болѣе продолжительное молчаніе. Этимъ все сказано!

Пишу тебѣ хуже, чѣмъ когда либо, но перо мое валится изъ рукъ; оно мнѣ совершенно не повинуется. Ахъ! оно часто бываетъ такъ лѣнливо, что я съ трудомъ могу заставить его написать одно единственное слово. „День на день не приходитъ.“ Здѣсь всѣ ведутъ себя также, какъ вначалѣ, т. е. очень внимательны и любезны со мной. Я все еще не знаю ни слова по-испански, потому что, когда хотятъ мнѣ угодить, то говорятъ со мною только о комедіи, о Лопе де Вега или о Кальдеронѣ. Я дѣлалъ бы то же самое, если бы былъ рожденъ подъ знойнымъ небомъ Иберіи. Я возненавидѣлъ бы даже Шиллера, если бы онъ писалъ одяъ только комедіи. Однимъ словомъ, я ненавижу,

комедіи и тѣхъ, кто ихъ пишетъ..... но не всегда ненавижу тѣхъ, кто ихъ играетъ. Прощай, дорогой Рафаэль. Ради Бога береги свое здоровье, вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю и если у меня есть на свѣтѣ какое нибудь утѣшеніе, такъ его могутъ дать мнѣ только твоя дружба, твоя нѣжная душа, достойная любви.... Сегодня вечеромъ мнѣ нужно много писать. Прощай, шлю тебѣ свое благословеніе и прошу у тебя того же, да хранить насъ обоихъ благословеніе нашей доброй Пери. Спокойной ночи.

Мадридъ, 19 Октября 1826 года.

Сердце мое полно признательности къ высшему существу, оно любить еще сильнѣе, дорогой мой Рафаэль, потому что это существо соединяетъ около тебя всѣ любимые тобою предметы. Кузина уже проѣхала черезъ Ліонъ, она направляется во Флоренцію, п когда ты получишь это письмо, она уже дастъ тебѣ то утѣшеніе, въ которомъ ты такъ нуждаешься. Это путешествіе нравится мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, оно согласуется съ самыми завѣтными моими желаніями. Сегодня я не получилъ отъ тебя извѣстій, мой чудный другъ, но какъ бы мнѣ ни было тяжело твое молчаніе, я все же предпочту его той усталости, которую тебѣ пришлось бы испытать во время писанія. Кузина путешествуетъ быстро, Пери съ нею вмѣстѣ, и если онѣ не встрѣтились съ Мэстрами въ Туринѣ, то, вѣроятно, въ одно и то же время съѣдутся въ Пизѣ. Мое письмо придетъ не раньше ихъ, и я очень этимъ доволенъ. Съ понедѣльника не могу сообщить тебѣ ничего новаго, кромѣ того, что я здоровъ, что горло у меня больше не болитъ и что я даже пересталъ волноваться. Мы живемъ здѣсь по семейному: день да ночь, сутки прочь, и только гонецъ изъ Парижа или Ливурно вносятъ нѣкоторое разнообразіе. По утрамъ всѣ за дѣломъ, а вечеромъ мы бесѣдуемъ за чайнымъ столомъ или играемъ въ карты. Что касается службы, то здѣсь я занятъ еще меньше, чѣмъ въ Римѣ. Искусство меня очень занимаетъ, потому что въ Эскуріалѣ попадаются дивные образцы живописи, такъ какъ испанскій царствующій домъ владѣетъ лучшими полотнами Рафаэля и Мурильо, которыхъ можно сравнить только съ первыми римскими мастерами. Здѣсь говорятъ, что Потемкинъ ѣдетъ изъ Лондона въ Бразилію и что на его мѣсто прочать нашего милаго Мейендорфа. Дѣла въ Персіи, повидимому, уже начались, но возвращаюсь къ тому, что меня занимаетъ гораздо больше, чѣмъ все, что происходитъ на свѣтѣ, которымъ управляетъ то война, то слѣпой случай. Возвращаюсь къ кузинѣ и милой нашей Пери, которая любитъ тебя, какъ сестра, и, конечно, утѣшить тебя такъ,

какъ не сдѣлать этого никому. Говори съ нею обо мнѣ, потому что мое сердце и всѣ мои мысли принадлежать ей, и она становится мнѣ вдвое дороже. Прощай, милый мой Мишель, будь умницей, не болтай много съ дамами; не ропщи на болѣзнь, посланную тебѣ Богомъ, Онъ нашель нужнымъ это испытаніе, но Онъ же и всемогущъ. Поцѣлуй за меня ручку кузинѣ и прекрасному графу де Мэстръ, а если тетушка съ ними, скажи имъ, до какой степени я дорожу ихъ памятью и дружбой. Передай мои сердечныя привѣтствія мадемуазель Талии. Прощай, милый Мишель. Нѣжно тебя цѣлую.

Письма князя Михаила Ивановича Долгорукаго.

Написано по-русски. Орфографія подлинника.

Братъ и другъ—товарищъ,—далъ слово—помни и исполняй.

Всю нашу Корреспонденцію вести какъ можно чаще, вопреки твоей природной лѣни которую надобно иногда побѣждать и вѣчныхъ ужасныхъ недуговъ которые надобно или отсрочевать или предупредить.—

Писать просто а не сочинять письмо по правиламъ логики и краснорѣчія—никогда не дѣлать бруліоновъ—не обращать вниманія на орфографическія ошибки и всегда писать по внушенію цѣлаго сердца, а не ухищреннаго ума.—

Въ ту же минуту съ свойственною тебѣ откровенностію при всякомъ могущемъ встрѣтиться недоумѣніи и такимъ образомъ предупредить и тѣнь могущаго между нами произойти подозрѣнія или несогласія—всегда, всегда.—

На взаимный нашъ счетъ никому и не въ чемъ не вѣрить прежде нашего письменнаго или личнаго объясненія.

Никогда не изяснятся намеками а говорить прямо. Свободный упрекъ всегда предпочитать выговору стороною.

Изъ Москвы написать мнѣ непременно письмо обстоятельное и самое подробное, косательно всего положенія дѣлъ семейныхъ во всякомъ отношеніи и относительно всего нашего семейства.—

Раздѣлить Эдуарду съ..... восторгъ его при вступленіи въ землю священную героевъ и чудесь, раздѣлить наслажденія сладостію Италіи и сообщить полною душею всякую печальную мысль и каждое грустное чувство.—

Ни слова о политикѣ подспудной.—

При случаѣ ежели можно вспомнить что интересная брошюрка, хорошія ноты и миленькая гравюра всегда потѣшатъ.

Прошу убѣдительно той же любви—той же довѣренности—и того же воспоминаія: *Similis simili gaudet.*

С. Петербургъ. Юня 18-го вторникъ 1822.

Брату и Другу Дмитрію при отъѣздѣ его въ Италію 1822 года.

Написано по-русски. Орфографія подлинника.

Кузинька.

За поведеніе Ваше по отношенію ко мнѣ, со дня прибытія Вашего во Флоренцію по нынѣшнее число, заслуживаете Вы чувствительное мое благоволеніе. Свидѣтельствую о томъ передъ Небомъ и землею, передъ Луккскими горами и Адриатическимъ моремъ.

Относя таковое милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе, несомнѣнными доводами и опытомъ доказанное—съ одной стороны, къ Вашимъ природнымъ чувствамъ, съ другой же къ учиненному между нами условію, намѣренъ и подобное условіе совершить и нынѣ, разставаясь съ Вами, съ твердымъ упованіемъ что Вы, Кузинька, потщитесь соблюсти оное съ тѣмъ же рвеніемъ и раченіемъ съ какимъ соблюдали до сего времени.

А потому почтительно и убѣдительно Васъ прошу:

- 1) написать мнѣ письмо изъ Генуи.
- 2) другое письмо изъ Марсельи.
- 3) по крайней мѣрѣ 4 письма изъ Парижа.

Въ сихъ 4 письмахъ займетесь Вы наиболѣе извѣстіями о Пери, о Гр. Шуваловой, о знакомыхъ, о нашемъ семействѣ, о ново-вышедшихъ книгахъ, о театрѣ и обществѣ.

4) Вы займетесь также и въ непродолжительномъ времени присылкою мнѣ а) моихъ часовъ, отправленныхъ съ Г. Краузе на имя Пери, б) извѣстнаго количества малыхъ и большихъ *вытуклыхъ* съ орлами бѣлыхъ и желтыхъ пугвиць, в) двухъ или трехъ модныхъ зимнихъ жилетовъ и д) нѣсколькихъ паръ черныхъ сквозныхъ чулокъ (только не носокъ).

5) Вы учините также надлежащее домогательство у К. Федора Голицына о присылкѣ мнѣ обѣщанныхъ книгъ, какъ нововышедшихъ, такъ и старыхъ, мною уже назначенныхъ.

6) Вы приложите стараніе о скорой пересылкѣ всего этого (и буде можно разомъ и въ одномъ пакетѣ или ящикѣ) съ довѣреніемъ на мое имя или съ полнымъ адресомъ, буде не случится проѣзжихъ прямо во Флоренцію.

7) Приѣхавши въ Мадридъ Вы благоволите Кузинька написать мнѣ съ первою почтою. Послѣ чего возьмете за непрѣбное правило, долѣ совѣсти, законъ, писать мнѣ еженедѣльно и притомъ всегда въ тотъ же день, не забывая *номеровать* Вашихъ писемъ и выставлять числа.

8) Какъ было доселѣ такъ и впредь Вы для вашихъ ко мнѣ писемъ черновика дѣлать не будете.

9) Тѣ изъ моихъ писемъ, кои я буду просить жечь, Вы предайте *непремѣнно* огню.

Съ моей стороны обѣщаю Вамъ.

1) Двѣ недѣли по Вашемъ отъѣздѣ написать Вамъ въ Парижъ одно письмо за другимъ (адресуя оба письма на имя нашего Посольства).—2) Писать къ вамъ въ Мадридъ еженедѣльно и всякой разъ сообщать содержаніе полученныхъ мною писемъ изъ Москвы.—3) Содержаніе Вашихъ писемъ сообщать *in extenso* въ Москву, (буде не будетъ съ Вашей стороны иногда оговорки).—4) При удобномъ случаѣ переслать Вамъ собранныя Вами рукописи и—5) сохранять въ цѣлости всѣ Ваши письма (буде не будетъ оговорки на сожженіе) и возвратитъ Вамъ ихъ при востребованіи.

А Васъ, Кузинька, да хранить Господь Богъ подъ Святымъ Своимъ покровомъ. Будьте счастливы и да сбудутся всѣ Ваши желанія.

Вашъ лучшій другъ.

Флоренція, 1/13 Маѣ 1826 года.—

Брату моему, князю Дмитрію, при отъѣздѣ его въ Иберію.

Поправки.

(Выпускъ 4-ый).

Стран.	Стр. св.	стр. сн.	напечатано	должно быть.
404	13		Оона	Оома
499		2	№ 13	№ 43
527	21		необычайное вниманіе	обычайное невниманіе.